
ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

«СВОЙ ВСЕГДА ПРАВ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПАТРОНАЖНО-КЛИЕНТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ «КОМБИНИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА» НА ВОСТОКЕ*

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Автор пытается в статье выяснить особенности политической культуры на Востоке, справедливо полагая, что они кардинально отличаются от представлений и политической культуры на Западе. Для решения этой задачи он рассматривает как общие подходы, выработанные в политологии к феномену политической культуры, так и выясняет «восточную» специфику этого явления. Автор отстаивает концепцию равноправия цивилизаций, подчеркивает необходимость их диалога, а не конфликта. Выступает против так называемого демократического транзита и глобализации мира под эгидой государства-монополиста.

Ключевые слова: социопсихологические факторы, Мусульманская лига, анклавные культуры, восточный деспотизм, социальный синтез, Насер, солидаризм.

Политическая культура. Понятие и типы. Дефиниция «политическая культура» введена в научный оборот в конце 50-х – начале 60-х г. XX в. американскими социологами и политологами Г. Алмондом, С. Вербом и Л. Паем. Понятие политической культуры напрямую сопряжено с индивидуальными и коллективными эмоциями, морально-нравственными ценностными установками, мифами, теоретическими построениями, которые позволяют индивидуальному и массовому сознанию осмысливать и оценивать политическую реальность, ориентироваться в ней и непосредственно на нее

* Продолжение. Начало см.: Вестник РУДН. Серия всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 8–22; 2013. – № 4. – С. 10–29.

влиять. Дефиниция «политическая культура», по словам М.В. Стрежневой, не является реальностью как таковой. Это «аналитическая абстракция», которую используют социологи и политологи, исследующие психологию механизма властвования и социокультурные бихевиористские аспекты (1).

Г. Алмонд, С. Верб и Л. Пай впервые осуществили исследование явлений, одновременно принадлежащих и к сфере культуры и к сфере политики (2). Ими было предпринято исследование таких категорий социокультурной действительности, как политическое участие, политическое поведение, политическое настроение, политическая ориентация. После анализа, осуществленного американскими учеными, эти явления стали рассматриваться в категории «политическая культура», стали содержанием, наполнением этого понятия. Политическая культура является сегментом социокультурного пространства, составляя часть социальной культуры, которая включает «большую» и «малую» традиции, порождена культурно-нравственным обменом между поколениями. Культура как социальный феномен является продуктом коммуникации и рефлексии.

В XVIII в. попытку теоретического осмысления культуры предпринял И.Г. Гердер. Считается, что он первым употребил понятие «политическая культура» (3), не давая расширенного объяснения этой дефиниции. Однако и по сей день единого понимания дефиниции «политическая культура» не сложилось в связи с многозначностью самого описываемого явления.

Современная социология и политология выделяют три подхода к исследованию политической культуры на основе теоретических построений с XVIII в. и до наших дней.

1. Объективистский подход (Ш. Монтескье, А. Токвиль, Дж.Г. Миду, Ж-Ж. Руссо и др.). В фокусе изучения объективистов политическая культура является достаточно высоким уровнем владения индивидом правил поведения в политической жизни, которые созданы исторической традицией и памятью поколений конкретного социума, а, следовательно, верифицированы на практике.

2. Конструкционистский подход (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Л. Витгенштейн). Определение политической культуры носит феноменологический характер. Это нормативное отношение к политике, причем нормы уже не поведенческие стандарты, а моральные принципы. Социальное в этом подходе превалирует над психологическим. Политическая культура выступает как социальная конструкция. Конструкционисты считали, что социокультурные нормы должны отражать политическую реальность, но и политическая власть должна соответствовать социокультурным стандартам социума.

Л. Витгенштейн сформулировал понятие «языковых игр», а следовательно, представил политику как правилосообразную игру. Политические правила установлены одними членами социума для других и могут быть подвержены изменениям. Однако практика доказывает, что массовое и индивидуальное сознание предпочитают инстинктивное подчинение в силу

инертности традиций. По сути, социум принимает навязываемую ему политическую культуру, априори интерсубъективный взгляд на природу вещей.

3. Субъективистский подход (Ю. Хабермас и др.). Политическая культура, в соответствии с ним, индивидуальный выбор каждого. Необходима консенсуальная коммуникация, которая обеспечит координацию и социализацию на основе социокультурных норм, которые будут разделены и приняты индивидами и социумом. В этом случае политическая культура является продуктом «общественного согласия», возобновляемого по мере необходимости (4).

На наш взгляд, наиболее точно и полно «политическая культура» в отечественных исследованиях определена в работах Ю.В. Ирхина, В.И. Максименко и М.В. Стрежневой. В соответствии с определением Ю.В. Ирхина, базирующегося на взглядах Г. Алмонда и Л. Пая, политическая культура – это обширная сфера общей культуры, непосредственно связанная с политикой, политической деятельностью, поведением, сознанием людей; «это политический опыт, память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их политические ориентации, навыки, стиль политического поведения» (5).

Для институализации понятия интерес представляет определение категории «политическая культура» у В.И. Максименко. Он понимает это явление как «совокупность исторически сложившихся и социально узаконенных (т.е. объективных) стереотипов политического поведения и восприятия власти» (6). М.В. Стрежнева дает расширенное объяснение понятия «политическая культура», подчеркивая, что это прежде всего «совокупность смысловых схем и нормативного отношения к политике, задача которых сводится к приданию... акторам (исполнителям. – *С.В.*) политических ролей и ориентаций соответственно сложившимся в данном сообществе субъективным представлениям. Помимо когнитивных (разумных) и моральных, политическая культура включает в себя аффективные (инстинктивные) компоненты, которые могут быть объединены в различных комбинациях» (7).

Таким образом, основным содержанием этой дефиниции является отношение массового сознания к власти и к способам ее легитимизации. Политическая культура представляется комплексным явлением, включающим в свою структуру совокупность элементов социокультурной и политической действительности. Особое значение имеет массовое сознание «большой» и «малой» культурных традиций, которое непосредственно контактирует с социально-политическими институтами и воздействует, влияет на генезис, функционирование социально-политических институтов. Массовое сознание является вектором, придающим направление политическим процессам и определяющим политическое поведение масс. Политическая культура выступает в качестве синтеза индивидуальных установок и ориентаций участников политического процесса.

Это субъективная сфера, которая является фундаментом политических действий. Индивидуальные ориентации представляют собой комплекс элементов:

1) познавательная ориентация – истинное или ложное знание о политических объектах и идеях;

2) эффективная ориентация – ощущение связи, вовлеченности в процесс;

3) оценочная ориентация – суждение и мнение о политических объектах (8).

Основой политической культуры социума является специфика политических ориентаций по отношению к политическим системам и поиск с обозначением собственной роли в данной системе. По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, когда речь идет о политической культуре социума, то прежде всего имеется в виду «политическая система, интериоризированная в знаниях, чувствах и оценках членов общества» (9).

Политическая культура носит универсальный, всеобщий характер. Ареал ее активации – все политические и социальные отношения. По выражению Ю.В. Ирхина, она «растворена по всей совокупности отношений, складывающихся между участниками процесса» (10).

Следует отметить, что в границах социальных сообществ политическая культура носит обязательный и регламентирующий характер по отношению к индивидуальному сознанию. Выступает социально-принудительной силой, формирующей гомогенность установок политико-культурного генофонда. Ослабление действия этой силы означает, что возникли новые проявления индивидуального и массового сознания вне границ прежнего политического ареала.

Так проявляют себя анклавные политические культуры, ведущие к формированию новых самостоятельных политических культур. Для анализа той или иной политической культуры социума важное значение имеет изучение таких явлений социокультурной реальности, как национальный характер; политический миф, основной задачей которого является интеграция социума от локальных элементов к всеобщему, всеохватывающему политическому пространству.

Политическое мифотворчество, опирающееся на историческую память массового и индивидуального сознания, определяет положение индивида в политическом поле, задает ему систему координат по линиям «индивид–государство», «индивид–нация», «индивид–цивилизация».

Политическая культура социума включает в свой состав постоянные и временные субстраты. Постоянными выступают универсальные ориентации и установки индивидуального и массового сознания по отношению к социально-политической системе (мораль и нравственность, особенности национального характера, традиции и стереотипы поведения). Временными, меняющимися компонентами являются те, которые подвержены воздействию краткосрочных факторов (политические настроения, политические инструменты, конкретные политические деятели).

В политической культуре выделяются два уровня: рациональный и эмоционально-волевой.

Рациональный уровень в качестве основы опирается на социально-экономические интересы отдельных групп и социума в целом, на стратификацию общества и формируемые на этой основе ценностные ориентации.

Эмоционально-волевой является совокупностью рассудочных и иррациональных компонентов и феноменов, определяемых социокультурными и социопсихологическими факторами (11).

Основным предназначением политической культуры в обществе, по мнению Л. Пая, является надление индивида «основополагающими принципами политического поведения, а коллектива – систематизированной моделью ценностных установок, формирующих единство и взаимосвязь деятельности общественных инструментов. Политическая культура обозначает политические идеалы и политические нормы, структурирует и наполняет содержанием политическую сферу подобно тому, как культура интегрирует и системообразует социальную жизнь» (12).

Итак, политическая культура выступает прежде всего как интегрирующее начало социума. Каковы же типы политической культуры? Очевидна ее различная социокультурная природа в обществах, стоящих на разных этапах развития.

По классификации Г. Алмонда выделяются следующие типы политической культуры в спатальном (пространственном, региональном) плане:

- англо-американская;
- европейско-континентальная;
- доиндустриальная и частично индустриальная;
- тоталитарная (13).

В содержательном, сущностном плане Г. Алмонд и С. Верба осуществили типизацию политической культуры по следующим видам:

1) провинциалистская политическая культура характерна для экономически и политически отсталых социумов. В такой модели отсутствует специализация политических ролей, политические ориентации и ценностные установки слиты с религиозными представлениями. Население неграмотно и не обладает политическими знаниями;

2) подданическая политическая культура. Социум обладает знанием о политических институтах, способен ориентироваться в политической жизни, выносить оценки и делать выводы. Однако преобладающим вектором является пассивное отношение массового сознания к политическому процессу;

3) партисипаторная политическая культура. Социум активен по отношению к действующей политической системе, осуществляет осознанные действия, нацеленные на участие в политическом процессе (14).

Это чистые виды политической культуры. Но в таком виде они практически не представлены. Поэтому, осуществляя общую типизацию, Г. Алмонд и С. Верба подразделяют чистые виды политической культуры на синтезированные:

1) провинциалистско-подданическая. Большая часть социума выступает против диффузии феодально-племенной власти и лояльна к новым ус-

ложненным политическим системам, нацеленным на центростремительные тенденции. Такой тип характерен для переходного периода от раздробленности к централизованному государству;

2) подданически-партиципаторная. Социум сориентирован на авторитетную политическую структуру, обладающую правовым статусом. В целом, массовое сознание в подобном типе политической культуры пассивно в вопросах самоориентации;

3) провинциалистско-партиципаторная. Политический процесс носит локально-периферийный, фрагментарный характер. Основная задача заключается в активном вовлечении индифферентных участников в политическую жизнь (15).

Для понимания специфики политической культуры важно осознавать, что между культурой и традицией, по мнению В.И. Максименко, можно поставить знак тождества. По сути, это различные способы обозначения одного явления, «исторически возникающего и внебиологически наследуемого нормативного регулятора общественной жизнедеятельности» (16). Но политическая культура принципиально отличается по своей природе и функциям от культуры и традиций. Прежде всего политическая культура выступает в качестве регулятора отношений властвования. Она носит, как уже подчеркивалось, нормативно-регламентирующий характер и подразделяется на субкультуры. Культуры «верхов» и «низов», как высокая и низкая культурные традиции, отличны друг от друга. Политическая культура социума в еще большей степени подвержена жесткой градации правила двух культур.

Какой же из охарактеризованных выше типов политической культуры характерен для восточных социумов, для политических процессов и систем на Востоке?

Политическая культура восточного социума. Восточный деспотизм и социальный синтез. Патронажно-клиентельные отношения определяют специфику политической культуры на Востоке. Незыблемым основанием взаимоотношений сторон политического процесса является авторитет патрона. Принцип «свой всегда прав» ведет к отсутствию политической дискуссии и критики по отношению к качеству идей доктрины «своего» лидера. Подобная практика не блокирует политические расколы и размежевания, но является результатом не борьбы идеологий, а противостояния политических лидеров. Идеи – второстепенны, личная преданность и лояльность – первичны.

Основными элементами политической культуры на Востоке являются:

– стереотипы, представления массового сознания о легитимности власти, базирующиеся на традициях, освященных временем. Установки массового сознания традиционного социума на праведное правление;

– стереотипный образ идеального лидера, базирующийся на политических мифах;

- стереотип восприятия иностранного опыта на основе принципа «чужой» – «свой», «мы» и «они»;
- функциональность родовых, клановых связей в современных условиях;
- стереотипная реакция индивидуального и массового сознания на власть государства;

- стереотипная предрасположенность традиционного массового сознания к определенному набору политических идей и лозунгов. Для восточного социума неприемлемы индивидуалистические ценностные ориентации, поскольку они ведут к деформации и слому солидаристских связей.

Трансцендентные установки являются основой сознания. Философия потребления как доминанта социальных связей отрицается. Индивидуализм и материализм неприемлемы для сознания восточного общества.

Во взаимозависимой связи «индивид–социум» приоритет у общества. Государство регламентирует весь образ жизни индивида, поэтому автономия личности незначительна. По отношению к миру основой выступает сбалансированный подход, примиряющий новое и старое, превалирует созерцательный подход к оценке действительности. Сознание консервативно, базируется на традиционных ценностях. В целом система «человек–общество» на Востоке носят эволюционный характер. Социокультурная система обладает высокой адаптивностью нового без уничтожения старого. Одной из важных характеристик восточных социумов является их автаркический характер, непроницаемость.

Используя типизацию Алмонда и Вербы, отметим, что наиболее распространенным на Востоке типом политической культуры является подданническая политическая культура. Основными элементами, ее характеризующими, на наш взгляд, являются:

- устойчивость клановых, трайбалистских отношений определяющих облик политических систем;
- авторитарные политические традиции;
- скрытое индивидуальное участие членов социума в политическом процессе;
- поляризация общества;
- приоритет государства над личностью;
- синтез колониальной политической культуры и традиционной при векторе на сохранность идентичности.

Последний из перечисленных элементов является важнейшим для характеристики политической культуры восточных обществ в постколониальный период. Для понимания социально-экономических и политических процессов на Востоке большое значение имеет теория социального синтеза, разработанная академиком Н.А. Симонией и ученым-востоковедом Л.И. Рейснером (17).

По их мнению, необходимы комплексные исследования вопросов развития Востока, поскольку современные исследователи в недостаточной степени вскрывают содержание традиционных и архаических отношений, а в

«качестве исходного, традиционного комплекса», по замечанию Л.Б. Алаева, «фигурируют обычно самые общие формулировки о роли общины... или же о гипертрофированных функциях государства» (18).

В соответствии с анализом Л.И. Рейснера первичная традиционность не была напрямую связана с современностью, так как между этими двумя периодами «пролегла полоса колониально-капиталистической мутации традиционного общества» (19). Именно колониальные отношения привели к разрыву естественноисторической эволюции традиционного социального организма в современный. Л.И. Рейснер отмечает, что «колониализм объективно содействовал тому, что традиционность и современность оказались сильно разведенными в стороны как на глобальном уровне (центр–периферия), так и на местах, то есть в самих зависимых странах» (20).

В итоге возник своеобразный синтез колониальной системы и традиционной. Современные элементы, таким образом, оказались привнесенными извне и начали постепенно проникать во внутреннюю традиционность.

Генезис и развитие «малого» (странового) синтеза происходил не в замкнутой, изолированной сфере, а в рамках «большого» глобального синтеза, представленного колониально-капиталистической системой в целом (21).

Авторы теории социального синтеза разграничивают понятия «традиционность» и «современность», вводя диалектические характеристики. Традиционность и современность, исключая и отрицая друг друга, одновременно являются составными элементами единого смыслового целого. Взаимоотрицание традиционности и современности является необходимым условием исторического движения.

Проблема соотношения современности (центра) и традиционности (периферии), а следовательно, и проблема синтеза этих явлений проявилась с возникновением первых государств в Месопотамии и в долине Нила. Это не вопрос XX в. Дихотомия современного и традиционного существует уже несколько тысячелетий.

Сформировавшиеся государства с наличием политейных обществ отодвинули, по замечанию Л.И. Рейснера, первобытную периферию в разряд архаических, отсталых, традиционных. Каждый «стадиальный тур истории», понимаемый как переход человечества к более совершенным, развитым формам социальной организации, к новому уровню знаний и культуры осуществлялся сначала лишь в нескольких странах, выводя их в авангард развития новой социальной реальности, называемой современностью, что параллельно расширяло ареал «новой традиционности», в который теперь попадали те этносы и государства, которые в соответствии с прежними оценками были вполне современными (22). Этот процесс приводил к социальной амортизации старых или устаревающих исторических форм, что, в свою очередь, вело к «кардинальной перегруппировке пространственных координат всемирно-исторического процесса. Сдвиги на оси исторического времени сопровождались не менее существенными изменениями в историческом пространстве,

поскольку быстро трансформировалась старая география центров и периферии, а иногда возникала принципиально новая», – пишет Л.И. Рейснер (23).

Несмотря на глубину новаций, новая социальная система не успевала полностью переработать историческое наследие. Чем дальше общество уходит от традиционности первого порядка (общинно-родовой строй), тем усложненнее, многослойнее строение самой традиционности. На первобытно-общинные отношения накладывается традиционность второго порядка (древневосточные и античные цивилизации), затем традиционность средневекового общества – третьего порядка, после чего возникают буржуазные государства.

Пространственная разделенность социумов-лидеров и социумов-ведомых приводит к тому, что синтез становится естественно-универсальной формой приобщения отставших в развитии социумов к более динамичным темпам социального развития обществ-лидеров. Развитие переходных структур, которые и являются воплощением социального синтеза, позволяет успешно преодолевать тупиковые модели развития, сохраняя при этом ценнейшие, необходимые для дальнейшего развития накопления предшествующего периода (24).

Кризисные явления особенно характерно демонстрируют тенденцию к синтезу, интеграции старого и нового, к расширению границ ареала международных контактов. Б.Ф. Поршнев выявил характерную закономерность, отмечая, что время, когда три важнейших периода развития человечества переживали кризисные явления, «приблизительно совпадает с грандиозными актами взаимопроникновения, синтеза культур и взаимодействия народов, ранее находившихся в противостоянии и разобщении» (25). Закономерно, что грандиозные социальные пертурбации рождают великие синтезы. Нельзя не согласиться с замечанием Б.Ф. Поршнева о необходимости всемирно-исторического подхода в исследованиях, о том что «регионы вовсе не предел должного кругозора историка. Кругозор историка охватывает мир, включающий и передовые, и отсталые народы» (26).

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы отметить, что колониальный синтез предстает как тесное переплетение и взаимодействие внешнеполитической активности капиталистического Запада, выступающего субъектом синтезирования и традиционного феодально-племенного Востока, ставшего объектом синтезирования.

Теория социального синтеза наиболее применима к обществам переходного типа, которые характерны для большинства стран Востока. Фиксация переходного характера восточных социумов была осуществлена в конце 60-х гг. XX в. исследователем С.И. Тюльпановым (27). В начале 70-х гг. А.И. Левковский констатировал наличие на Востоке различных укладов, признаков многоукладности восточного социума (28). Во взаимодействии различных укладов формировались социально-экономические элементы переходных периодов.

Значительную роль на Востоке продолжает играть докапиталистическая периферия. Общий вектор динамики развития нацелен не на уничтожение патриархально-архаичных структур и элементов, а на тесное взаимодействие с ними, их абсорбцию. Политическая и бизнес-элита современного Ливана активно эксплуатирует конфессиональное деление страны, включающее 15 религиозных общин. Каждая из них играет роль автаркичного социального образования со своей идеологической доктриной и военной организацией (29). Суси-берберская элита в Марокко пользуется семейно-клановыми связями и при ведении дел, и при приеме на работу (30).

Ни в одном восточном социуме не сформировалась хотя бы относительная гомогенность, не создано гражданское общество. Зеркалом социально-экономической многоукладности стала этническая, конфессиональная дифференциация. Вторжение капитализма трансформировало структуру общества, но не его сознание. Восточный индивид, поменяв сферу деятельности, покинув деревню и став рабочим, не в состоянии изменить менталитет. Работая в городе, он все равно ощущает себя членом патриархальной общины. В работодателе он видит не капиталиста-предпринимателя, а покровителя, патрона. Все страты восточного социума, несмотря на образ жизни и род занятий, сохраняют тесные контакты и связи с племенем, кланом, общиной, конфессией, что не может не рождать идеологической многоукладности и связанного с ней полиформизма политического процесса (31).

Н.А. Симония и Л.И. Рейснер применили свою концепцию социального синтеза для анализа именно «переходных фаз развития, которые отмечаются неоднородностью или синтезированным характером (переплетением и компромиссным сосуществованием разнородных структурных элементов на всех «этажах» общества от экономики до идеологии). Уже феодализм на Востоке выступал как синтезированная (гетерогенная) структура (32).

Результатом социального синтеза, по мнению Л.И. Рейснера и Н.А. Симонии, является «комбинированное общество». Эта дефиниция объемнее, нежели многоукладное общество, поскольку в его структуре могут быть элементы, не являющиеся укладами, а представляющие собой реликтовые остаточные образования или же элементы, потенциально стремящиеся стать укладами, но которые ими так и не станут (33).

Роль государства на Востоке традиционно значительна. В постколониальный период тенденция к увеличению концентрации власти в руках харизматических лидеров, олицетворяющих государство, лишь упрочилась. Основными задачами государства стали преодоление экономического отставания, решение проблемы деревни и города, выразившейся в значительной урбанизации социума. Государство на Востоке всегда сочетало в своей функции роли патрона, координатора интересов различных социальных групп и арбитра, выносящего суровые, но справедливые вердикты.

Государство, как институт, и политические лидеры, как олицетворение, персонификация этого института, стоят на Востоке над социумом. Государ-

ство – это всегда часть «большой» традиции. По мнению Р.Г. Ланды, государство на Востоке должно рассматриваться с учетом «специфики его функций в многосистемной пирамиде восточного общества» (34).

В целях объективации понимания специфики политической культуры на Востоке следует подробнее рассмотреть природу государства, акцентируя внимание на смысловом содержании термина «восточная деспотия», применяемого для характеристики политических систем на Востоке.

Задавая вопрос о правомерности и применимости этой дефиниции для характеристики отношений между властью и социумом на Востоке, мы даем положительный ответ. Но когда речь заходит о содержательном, сущностном наполнении этого явления в отечественном востоковедении, возникает дискуссионное поле. Поскольку и по сей день в оценках природы восточного государства присутствует, по словам Б.С. Ерасова, активно выступавшего против клишированных и костных определений, примитивизирующих представление о роли государства на Востоке, – «откатное мышление» (35), основанное на смене плюсов и минусов в социальном оценочном плане. Критика капитализма как системы классового господства (минус) резко сменилась его апологетикой (плюс). Вектор критики диктата одного класса над другим изменился на дифирамбы в адрес свободы личности в обществе достижения, идущего по пути глобализации к созданию планетарного пространства планетарного социума. Апология общественной собственности сменилась на апологию частной собственности и развитого рынка как универсальной модели развития для всех сообществ. Таким образом, подобная апологетика привела к новому витку объявления всех социумов, не соответствующих названным стандартам, неполноценными, недоразвитыми и ущербными, периферийными (36).

Во многом логика об ущербности политических систем Востока сформировалась в мировой ориенталистике и особенно в отечественном востоковедении, как полагают многие, благодаря антиориенталистской ориентации К. Маркса, который использовал в рамках формационной теории концепцию «азиатского способа производства». Так ли это на самом деле? «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации», – писал К. Маркс (37). Под азиатским способом производства он понимал социально-экономический строй, моделью которого выступала восточная община, которая рассматривалась как микроструктура государства. Таким образом, основа восточной модели – тотальное поглощение личности коллективом и отсутствие личности как самостоятельной ценности. Исходя из этой социальной структуры Маркс экстраполирует подобные отношения в экономическую сферу. Он пишет о том, что на Востоке «никто не становится собственником, а является только владельцем», поскольку он – «раб того, в ком олицетворено единое начало общины» (38). Маркс видел в отсутствии частной собственности «ключ к восточ-

ному небу» (39). А раз так, то основной характеристикой восточных социумов является «поголовное рабство» (40). Он давал следующую картину социально-экономических отношений на Востоке: «Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе... В этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» (41).

Исходя из этой характеристики видно, что поднявшийся над восточными общинами лидер – правитель с когортой чиновников, иными словами государство, выступает не только символом коллектива, но и является реальной властью, основанной на верховной собственности государя и государства. Государство на Востоке, следуя логике Маркса, выступает как высшая абсолютная власть над подданными, то есть неизбежно становится деспотией, а правитель – деспотом. Такое государство не выражает интересы господствующего класса собственников, так как нет ни собственников, ни классов. Оно стоит над обществом, подавляя его (42).

Безусловно, Маркс не был профессиональным востоковедом. Его знания о Востоке базировались на умозаключениях, изложенных в трудах европейских ученых – Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Д. Милла, Ф. Бернье, Г. Гегеля, – свойственных научному знанию Запада с XIV в. Однако «вторичность» полученных им фактов и выводов не помешала ему придти к абсолютно верному пониманию природы государства на Востоке, где альтернативой частнособственнических отношений выступало деспотическое государство, распределяющее социальные и экономические преференции. Искажение марксистских взглядов произошло позднее в рамках вульгаризированной схемы исторического материализма, который примитивизировал, а порой и исказил до неузнаваемости подходы Маркса.

Вторым ключом к пониманию природы и специфики восточных обществ является, по нашему мнению, концепция восточного феодализма, выдвинутая известным ученым-востоковедом, крупным индологом Л.Б. Алаевым. Он полагает, что восточный феодализм был более системным, чем западный. Поэтому генезис капитализма на Востоке был затруднен, а практически, в отпущенное историческое время, невозможен. Восточные общества были более системны с точки зрения феодальной модели. Натуральность хозяйства, кастово организованное ремесло, более органичная встроенность города в феодальные отношения, поддержание существования на определенном уровне, общность интересов, всеобщая связанность, проявляющаяся во всеобщей службе государству, личная взаимозависимость – все эти черты цементировали восточный феодализм, делая его устойчивой моделью, не нуждающейся в трансформации (43).

К. Маркс, основываясь на прогрессивном историческом развитии, заложенном в движении от одной менее развитой к другой более прогрессивной и передовой формации, естественным образом объявлял капитализм, при

всей критике его недостатков, более прогрессивным строем по отношению к феодализму, поскольку тот способствовал уменьшению деспотизма и давления на личность. В соответствии с подобными оценками капитализм (Запад, центр) и порожденная им система западных демократических ценностей становятся политическим идеалом. Возникает своеобразная оценочная шкала соответствия и несоответствия заданному стандарту, лишаящая цивилизации их социокультурной идентичности и специфики. Таким образом, мировой политический процесс становится движением к достижению политического идеала, то есть модернизацией восточных обществ в соответствии с американским и западноевропейским стандартами.

Такое мировидение представлено известным социологом Самуэлем Хантингтоном (в этом вопросе автор исследования не разделяет его взгляды) в его монографии «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (44). Если демократическая модель Запада – стандарт, то тогда все политические системы мира примитивно делятся на соответствующие ему и ущербные, отсталые, нуждающиеся в модернизации. Значит необходимо «обучить отстающие в развитии общества демократии» (45). Особенно активизировался экспорт демократических ценностей, демократический транзит после событий 11 сентября 2001 г. в США.

Впервые понятие «деспотизм» (деспотическая монархия) или тирания было вычленено Аристотелем. Идея о деспотической форме власти отождествлялась прежде всего с Востоком. Ренессанс аристотелевских трудов, возвращенных с Востока в период крестовых походов, привел к распространению понятия «деспотия» как формы правления, заслуживающей порицания. Хотя сама западноевропейская история средневековья изобиловала примерами деспотического правления. В новое время Монтескье, Гегель, Смит сформировали образ Востока, противопоставленного Западу, и в таком прочтении включили его в телеологическое видение исторического процесса. В результате полиэтнические восточные государства были противопоставлены монархическим суверенным европейским государствам, восточный деспотизм – европейским политическим и правовым системам, восточные методы кочевого и сельскохозяйственного производства – городской и торговой жизни европейцев. В рамках вестернизированного подхода Восток находился в начальной точке развития мировой истории. Гегель полагал, что история движется с Востока на Запад. Следовательно, Европа являет собой финал, конец истории, а Восток – ее начало. «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны», – отмечал он. По его утверждению, первой формой политического устройства в истории был деспотизм, второй – демократия и аристократия, третьей – монархия (46).

Базируясь на этих теоретических построениях, а также на определении Марксом азиатского способа производства, интерпретированного довольно в упрощенном виде, сформировалось мировидение, которое объявляло ли-

беральный капитализм и европейское государство-нацию передовым этапом всемирной истории, центром. Восток объявлялся периферийным, отсталым. Возникла дихотомия Востока и Запада, при которой и политическое устройство, и экономическая система восточных обществ противопоставлялись западным. Востоку отводилась роль буфера, переходной стадии между доисторическим и историческим уровнем, между доиндустриальным и индустриальным обществом (47).

В отечественном востоковедении понятие «восточный деспотизм», в котором восточный социум рассматривался как застойный, инертный в связи с ограниченностью возможностей развития его производительных сил, обусловленных деспотизмом власти, было сформулировано К. Витгофелем в 1957 г. (48). Им была задана модель для описания восточного государства как сверхцентрализованной, всеохватывающей структуры, тотально контролирующей общество. Модель подобного властвования блестяще описана Дж. Оруэллом в его знаменитом романе «1984». Однако такая характеристика являлась в корне неверной для объяснения природы политической власти и специфики массового сознания и политической культуры на Востоке. С древнейших времен и до наших дней концентрация власти на Востоке при всеобъемлющем характере государства была условной. В основе лидерства и политического консенсуса лежал баланс социальных интересов. Легитимное лидерство гарантировало обеспечение подобного баланса. Формы владения и собственности носили устойчивый характер и поддерживались на протяжении веков. В сфере идеологии, религии существовали жесткие рамки, ограничивающие политические свободы (понимаемые как опасное своеволие, идущее вразрез с социальными коллективными интересами и представлениями). Принципы легитимизации «правильной власти» были тщательно обоснованы и оформлены (49).

Деспотизм как политическое и социальное явление безусловно существовал (его отголоски проявляются и в современности) на Востоке. Однако деспотизм не является специфически восточным явлением, присущим только политической культуре Востока. Как пишет Б.С. Ерасов: «Как-то почти «незаметно» античный мир лишился своего прежнего статуса рабовладельческого общества и превратился в воплощение свободы, демократии, права и частной собственности. И его преемником и продолжателем стал современный Запад. Полторы тысячи лет на протяжении которых существовали вначале вполне автократическая Римская империя, а затем кондоминиум автократических монархий и теократии католицизма, по-видимому, молчаливо считаются при этом досадным историческим промежуток» (50).

Апологетам восточного деспотизма следовало бы знать, что еще в 1778 г. А.Г. Анкетиль-Дюперрон, основываясь на анализе литературных памятников и сведений о политических системах Индии, Ирана, Турции, доказал, что правовая регуляция в этих странах базировалась на сложившихся устойчивых политико-правовых системах, а деспотизм власти возникал лишь в

кризисные моменты и являлся нарушением функционирования механизма этих систем (51).

Колониальная политическая культура репродуцировала тип восточного деспотизма, характерный именно периодам надлома устойчивости политических систем Востока, на современность. Зачастую сама политическая культура колонизаторов (центра, Запада) в условиях традиционных социумов была более регрессивной, нежели автохтонная культура. Использование принудительного труда и степень ограбления колоний развитым Западом превосходили все классические стандарты и образцы восточных деспотий (52).

Достижения Востока в государственном управлении, обустройстве социальной жизни, основу которых составляла идеология, базирующаяся на культе нравственных и моральных ценностей, учености и благородства, социальной взаимной ответственности патрона и клиента, являлись фундаментом монолитности и устойчивости социальных систем Востока. Напомним, что на протяжении длительного исторического периода (до XV–XVI вв.) в культурном, технологическом плане Восток значительно опережал Запад. А изменения, произошедшие после эпохи Великих географических открытий, давшие старт не только освоению новых земель, но и периоду колониализма, выразившиеся в динамичном развитии Запада и отставании Востока, напрямую связаны с хищническим ограблением колоний метрополиями.

Основной мотивацией экспедиций XV–XVI вв., организованных Западом, был отнюдь не дух свободы и предприимчивости западного человека, нацеленного на открытие и освоение новых земель, а ограбление и беспощадная эксплуатация восточных обществ. На фоне трактовки восточного деспотизма как архаичного явления, основанного на тотальном подчинении личности государству, колониальный период, в духе современной концепции Хантингтона, видится временем распространения идей свободы и демократии.

Учитывая вышеизложенные тезисы о специфике массового сознания, политической культуры и социально-экономического развития Востока, подчеркивающие своеобразие путей его развития, а также более динамичное развитие форм социально-экономической действительности, хотелось бы, тем не менее, привести еще ряд фактов и примеров, опровергающих взгляды сторонников концепции примитивного «восточного деспотизма».

Культура земледелия и использование ресурсов на Востоке в позднее средневековье значительно опережали европейские, добившись более высокой производительности труда. В период с III по XV в. прослеживается приоритет Востока в технических знаниях и ремесленном производстве. Технологии в Китае и Индии были более развиты, чем в Европе (53). В связи с этим возник «ремесленный шпионаж» со стороны Запада, добывавшегося раскрытия передовых производственных технологий Востока. Проникновение опыта восточных социумов в производственно-технической сфере про-

исходило и другим путем. Как отмечает А.П. Колонтаев, «на протяжении тысячелетий существовал почти непрерывный поток добровольной и принудительной миграции в Европу искусных ремесленников Востока, которые сыграли большую роль в расцвете ремесел европейских народов» (54).

После периода восточных деспотий древности существовали ценностные социокультурные установки традиционных социумов, естественно ограничивающие правителя в его отождествлении с космосом, напоминающие политическому лидеру о его социальном предназначении, его патронажных обязанностях. Автор концепции восточного деспотизма Г. Гегель весьма справедливо писал: «Деспот всегда щадит народ, и его ярость обрушивается на окружающих его» (55).

«Хорошим» правителем на Востоке был лидер – патрон, исполняющий по отношению к социуму опекунические функции. Однако забота о подданных одновременно являлась и вторжением государства в личную сферу граждан. Патронажно-клиентельные отношения лидера и массы, базируясь на солидаризме и эгалитаризме, порой принимали со стороны государства, власти гипертрофированные формы, носящие весьма специфический, а порой абсурдный характер. Правитель Египта Хаким из династии Фатимидов (996–1021 г.) был меценатом и покровителем наук. Именно он начал строительство мечети аль-Азхар. Дабы самому быть информированным о всех сторонах жизни своего народа, он разъезжал инкогнито по ночам по городу на ослике. Однако ночью людям свойственно спать. Поэтому он издал указ, согласно которому все лавки города должны были в ночное время работать, а днем быть закрыты.

Помогая правоверным соблюсти запрет на употребление вина, он распорядился вырубить все виноградники. Чтобы обеспечить заповедь о затворничестве женщин, он запретил им выходить из дома, а чтобы они не ослушались, запретил производство женской обуви. И наконец, для обеспечения покоя жителей Каира он приказал истребить всех собак города (56). Однако подобная линия поведения правителя на Востоке была скорее аномальной, являлась отклонением от нормы.

Совершая исторический бэкграунд, Б.С. Ерасов осуществил сравнительную характеристику Запада и Востока, проанализировав сущность политических установок и природу власти (светской и религиозной), выявив особенности политической культуры Востока. Он напоминает о духовном тотальном контроле общественной жизни на Западе со стороны инквизиции, религиозных войнах, борьбе масс и политической элиты против папского престола. С другой стороны, на Востоке мы видим религиозный плюрализм в Индии, терпимость ислама к другим монотеистическим религиям. Неприятие открытого деспотизма власти, нарушающей патронажно-клиентельные отношения, проходит красной линией через историю восточных обществ.

Восстание против китайского императора Цинь Ши-хуанди, вызванное реформами и деспотически организованной администрацией в 209 г. до н.э.,

было напрямую связано с нарушением древних традиций. Народ буквально стонал от тяжести повинностей. В 213 г. до н.э. были сожжены древние тексты, на которые ссылались недовольные императором. Бросив вызов традициям, остаток жизни Цинь Ши-хуанди провел в страхе, стараясь не ночевать в одном дворце более одной ночи. На него дважды (218 г. до н.э. и в 216 г. до н.э.) совершались покушения (57).

Реформы иранского шаха Хосрова I в VI в., свержение династии Омейядов в Арабском халифате движением протеста продолжают эту линию (58).

«Политическая культура Востока, – пишет Б.С. Ерасов, – была основана на хорошо разработанных критериях и принципах, которым должно соответствовать “правильное”, т.е. нормативное правление. Это зафиксировано в политических “скрижалях” Востока: конфуцианском Пятикнижии, дхармашастрах и артхашастрах, Сунне и т.д.» (59).

Отклонение от традиции лишало правителя легитимности. Политический лидер подвергался осуждению и даже смерти. Неподвластные социальному воздействию правители подлежали «ликвидации» (60).

По мнению Б.С. Ерасова, «идея Порядка, Высшего закона – стержень и доминирующий принцип восточного мировоззрения при всех различиях, обусловленных спецификой мировых религий. Упорядочение бытия – исходный смысл доминирующей символики Востока, и нормативный отход от нее допускается лишь во вторичных частных сферах бытия» (61). Бывшие премьер-министры Сингапура и Малайзии Ли Куан Ю и Махатхир бин Мухаммад, характеризуя политический выбор Востока, пишут: «азиаты выбирают порядок и дисциплину, предпочитая их политической свободе и равенству; азиатская культура плохо интегрируется с демократией» (62).

Таким образом, реальное содержание понятия «восточной деспотии» практически лишает дефинитивного смысла это явление. Деспотизм в евроцентристском понимании оборачивается флексибельной, устойчивой, отвечающей социальным запросам масс политической системой на Востоке. В отечественном востоковедении зачастую выражение «восточный деспотизм» воспринимается рядом исследователей как самоочевидность, данность, аксиома. По словам И.В. Ильина, оно превратилось в миф, и «рационализация этого псевдопонятия – мифа становится делом практически безнадежным» (63).

В постколониальный период Восток столкнулся с проблемой создания государственного механизма и аппарата заново, поскольку политико-экономическая зависимость нивелировала роль прежнего государственного аппарата, который по существу являлся коллаборационным образованием с деформированными функциями и полномочиями (Иран, Египет и др.). Ряд стран в принципе не имели традиции государственности, а автохтонное население не обладало политической культурой, пребывая на стадии родоплеменных отношений. В этих условиях любое проявление давления центра (современности) на периферию (традиционность) воспринималось исключи-

тельно как вторжение централизованной власти (колонизаторов, завоевателей, «чужих») в освященную традицией архаику (Ливия в сер. XIX в.) Вакуум между восточными деспотиями (первыми государствами и их эпигонами) и современностью должен был быть заполнен либо колониальным этапом, порождающим «комбинированное общество», возникающее в ходе «колониального синтеза», либо этапом ущербности, деградации и распада прежних государственных образований.

Следует отметить существование традиций государственной и негосударственной консолидации. Единство, носящее негосударственный характер, базируется на кросс-связях родовых и клановых образований, не нуждаясь в государстве, выступающем в роли политического посредника. Политические лидеры Востока, сумевшие создать устойчивые политические образования в новейшее время, придавали большое значение кросс-связям традиционного характера и стремились, формируя у населения приемлемый уровень политической культуры, возвести прежние контакты на новый уровень, осуществляя тесное взаимодействие всех первичных социальных групп (семья, род, община), создавая базу для интеграции, несмотря на существующие социально-экономические расхождения. Характер такого государства оставался авторитарным, но при этом выглядел демократичным в глазах населения.

Основа восточного демократизма, в частности в исламском мире, в соблюдении принципов государственного строительства, создающих условия для волеизъявления всех членов уммы (мусульманской общины). При этом государство всегда будет арбитром, обладающим аппаратом насилия и принуждения. Демократическая модель, при которой первичные образования социума будут самостоятельны в принятии решений, развивая местное самоуправление и делегируя полномочия, видимо, пока не является рабочим политическим инструментом на Востоке, хотя время от времени возникают на уровне политических феноменов эрзац-варианты псевдодемократического толка (джамахирийская модель М. Каддафи в Ливии – авторитарная модель за демократическим фасадом).

Формирование новых государственных образований, развитие былых и создание новых представлений политического характера у населения на Востоке в постколониальный период, как правило, базировалось на идеологических доктринах, призывающих к возврату и возрождению традиций доколониального прошлого.

При этом политическая дискретность архаичной и современной моделей не казалась политическим лидерам Востока непреодолимой. Нарушение принципа преемственности государственной власти не создавало проблемы, главное, чтобы она (власть) опиралась на священные традиции, вызывающие ностальгию исторической памяти народных масс. Так, Сукарно в Индонезии апеллировал к традициям средневековых государств Шривиджайи и Маджапахита (64).

Государство на Востоке в новейшее время становится центром, к которому направлены устремления первичных групп. Государство снимает напряжение культурно-этнического характера, способствуя интеграции, формированию единого политического пространства и общих представлений политической культуры населения. Традиции государственного строительства на Востоке в XX в. по-прежнему основаны на доминанте государства над личностью, на подчинении индивидов единому центру, началу в виде государства.

Легитимность власти на Востоке в опоре на социокультурные традиции социума – эта установка лишала оправдания все колониальные режимы и марионеточные правительства. Основой политической культуры у населения помимо обоснования легитимности государства или лидера является представление о характере государства. Политической формулой государственности на Востоке остается следующий постулат. Функция государства в патронаже над населением, в осуществлении рабочего взаимодействия между ними, в преодолении конфликтов, без открытого проявления деспотизма и господства. В рамках социальной солидарности государство не может деспотически господствовать над подчиненными. Его господство носит латентный характер, обеспечивая привычную меру солидаризма. В этом плане весьма характерным примером служит концепция власти в Иране. 2500 лет монархический режим обеспечивал социальное единство. Первичные группы иранского социума на протяжении всего этого длительного периода не допускались к управлению и решению политических вопросов. Управление государством была целиком и полностью сферой компетенции правящей династии.

Однако условием, гарантирующим успех, было соблюдение всех правил политической формулы солидаризма патронажно-клиентельных отношений. Как только возникла дискретность в отношениях (1979 г.) первичных групп и политической элиты, произошел социальный взрыв, отстранивший шаха М. Реза Пехлеви от власти. Лидеры, умеющие сохранить органическое единство власти и народа, создают устойчивые политические модели (исламское государство Хомейни, джамахирийская система Каддафи).

Формула политической стабильности в исполнении сторонами своих обязательств: государство гарантирует справедливое распределение, а граждане – лояльность и преданность. По сути, это и является базисным правилом политической культуры на Востоке. Однако политическая культура новейшего времени – явление значительно модифицированное по сравнению с политической культурой доколониального и колониального периодов. Политическая культура постколониального общества складывается на базе трансформации колониальной политической культуры, которая сама является продуктом взаимодействия двух принципиально различных явлений: традиционной политической культуры и политической культуры

страны-колониатора. Политическая культура постколониального периода это синтез традиций страны и колониальных новаций, привнесенных в традиции.

Ю.В. Бромлей определяет отношения власти и управления в родоплеменных и патриархальных обществах как «потестарные» (65). Потестарная власть (лат. *potestas* – мощь, сила) – воздействие на поведение людей, основанное на авторитете предводителя и возможности применения им жесткого принуждения (66).

Потестарная власть является властью догосударственной, когда налицо симметричность отношений между руководителями, вождями и рядовыми общинниками, это потестарная структура военной демократии. В этой племенной форме, изученной и описанной Л. Морганом в работе «Древнее общество» на примере лиги ирокезов, власть и влияние пребывают в сбалансированном состоянии, когда отсутствует свойственное государственным образованием ассиметричное неравенство и отчужденное противостояние управляющих и управляемых. Военная демократия была у большинства народов мира, прошедших период распада родового строя (67). Подобная форма властных взаимоотношений характерна и для традиционных обществ. Таким образом, традиционную политическую культуру можно именовать ППК (потестарно-политическая культура) (68).

Специфика отношений власти и управления зависит от степени развития политических культур, вступающих в контакт. В колониальный период политическая культура доминирует над традиционной политической культурой.

Устанавливая демаркационные колониальные линии, колонизаторы игнорировали реальное расселение этносов и этнических групп. Зачастую колонии представляли собой этнически размытые образования. В этих условиях какую бы политическую культуру не навязывали колонизаторы, она оставалась, по выражению Л.Е. Куббеля, этнически нейтральной к «туземному» населению (69).

Колониальная политическая культура носила амбивалентный характер по отношению к потестарно-политической культуре. Динамические векторы этих политических культур прямопротивоположны. В традиционной политической культуре изначально заложен негативизм по отношению к революционным новациям. ППК нацелена на плавную эволюцию. Инновации колонизаторов воспринимались как вторжение «чужих». ППК сориентирована на восстановление утраченного идеала, на прошлое в будущем, поэтому любая новация воспринималась массовым сознанием как бессмысленное, а порой вредное деяние.

Проникновение колониальной политической культуры выразилось во внешних формах, фасаде политической системы постколониального восточного социума. Традиционные ценностные установки сохранились и остались базовыми политико-культурными доминантами. Сформировался, как отмечает Л.Е. Куббель, «политический бикультурализм», то есть усвоение

внешних форм новой политической культуры, их внешнее приятие при сохранении традиционных ценностных ориентаций» (70).

Европейская политическая культура привнесла лишь форму, а содержание политической культуры на Востоке – представление о справедливой власти, мотивация массового сознания – остались прежними.

Однако «сумма традиционности» не может оставаться в законсервированном состоянии. Процессы глобализации активно вовлекают традиционные социумы в модернизацию – приспособление, адаптацию к мировой социально-экономической системе. Модернизация затронула все сферы, но, по замечанию З.И. Левина, «нигде не проходит так трудно и болезненно, как в области личного и общественного сознания» (71).

Массовое сознание восточного общества и политическая культура XX в. – это синтез нового (современности, центра) и старого (периферии, традиции). Результат взаимодействия этих двух разнонаправленных (в будущее и прошлое) векторов социального развития и является содержанием политической культуры и общественного сознания восточного социума.

На Востоке в новейшее время сосуществуют:

1) радикально-западнические доктрины, ориентированные на вестернизацию. Политическая и бизнес-элита, поддерживающая эти взгляды, разделяет идеалы масс-культурного общества потребления;

2) традиционно-национальные доктрины, нацеленные на возрождение нации;

3) универсальные доктрины, в основе которых примиряющий диалог цивилизации Востока и Запада (72).

Современный сценарий глобализации принадлежит Западу. Восток вынужден трансформировать присущую ему инертность, модернизироваться. Основная парадигма развития восточных обществ в создании политических систем, способных видоизменить социально-экономическую структуру, сохранив духовную самоидентификацию. Массовое сознание и политическая культура Востока не хотят принимать вестернизированные стандарты в чистом виде, поскольку они угрожают стабильности традиционных ценностных установок и ориентации. Их проникновение воспринимается массовым сознанием на Востоке как форма неокOLONIALИЗМА. Но полное отрицание инноваций невозможно. Поэтому Восток принимает некоторые из них, придавая их содержанию восточный фасад, украшая их ориенталистским декором.

Политическая парадигма постколониального политического развития приводит к формированию политической культуры, которая, как уже отмечалось, носит синтезированный характер и нацелена на модернизацию общественного развития.

Колониальная политическая культура выполнила дуалистическую функцию. Она обнажила слабость традиционного общества, несмотря на то, что традиции остались доминантой массового сознания.

Политическая культура колонизаторов блокировала потенциал традиционного общества к эволюционному развитию, акцентировала и вызвала к жизни наиболее архаичные свойства и признаки традиционного социума.

Политическая культура колониального периода (современность, центр) и традиционная политическая культура (традиционность, периферия) породили синтез, результатом которого и явилась современная политическая культура Востока, которая теперь стала современной по отношению к архаичной патриархальной, периферийной культуре восточных социумов. Взаимодействие современной политической культуры Востока с традиционной (в значении архаичной) происходит тремя путями:

1) нулевое: Поддержание относительно независимого существования традиций и современности во взаимоизолированных сферах. В результате возникают модернизированные анклав, окруженные традиционностью;

2) взаимное приспособление современности и традиции;

3) конфликтное взаимодействие, ведущее, как правило, к разрушению традиционных ценностей и ориентации (73).

При конфликтном взаимодействии подрывается устойчивость, стабильность системы. Возникает противостояние между локальным солидаризмом и ценностями общества потребления. Активное проникновение и распространение ценностей вестернизированного характера приводит к снятию былых табу, регламентирующих жизнедеятельность восточного социума. Рост настроений, направленных на потребление, видоизменяет социальную архитектуру традиционного общества, ведет к новой стратификации, к стремлению индивида к повышению статуса. Нарушается стабильность, которая подрывается возникшей конкуренцией индивидов.

Одним из последствий модернизации стала новая стратификационная структура восточных обществ с гигантским удельным весом пауперов и деклассированных элементов маргинального толка. По мнению Р.Г. Ланды, это «дно не может не давить на вершину социальной пирамиды» (74). Конкуренция интересов мешает социальной консолидации.

В определенные периоды актуализируется кристаллизация социальных интересов и формируются аморфные социальные объединения. Национальная элита способна временно принять приоритет социальных интересов над своими. Именно так действовали Дустуровская партия в Тунисе (эксперимент Бен Салаха в 60-е гг. XX в.), Истикляль в Марокко (75).

В свою очередь, партия Вафд в Египте и Мусульманская лига в Пакистане потерпели фиаско и прекратили существование, потому что национальные элиты более не хотели оставаться в коалиционных рамках. Однако восточная специфика приводит к тому, что традиции способны вернуть на политическую арену даже исчезнувшие политические объединения.

В 80-е гг. XX в. Вафд вернулся к политической деятельности в Египте. Характерно, что ренессанс состоялся с теми же идеологическими доктринами и с тем же составом политических деятелей. Такой же путь прошли и

«Братья-мусульмане», разгромленные, как казалось, Г.А. Насером в 1954 г. В 70-е гг. XX в. они становятся оплотом политического исламизма. К концу 70-х гг. XX в. число их сторонников только в Египте приблизилось к 5 млн чел. (в их числе бизнес-элита, интеллигенция, студенчество) (76).

Временами возможна консолидация даже антагонистических сил, что продемонстрировала «направляемая демократия» Сукарно в Индонезии, в финале, однако, исчерпавшая себя и потерпевшая политическое фиаско.

Специфическая роль государства и коалиционный характер политических объединений на Востоке приводит к широкой амплитуде колебаний политического маятника. «Это постоянное брожение, – пишет Р.Г. Ланда, – лежит в основе той политической нестабильности и неустойчивости на Востоке»... (77).

Но какими бы разнообразными не были методы социальной интеграции, политической задачей политических лидеров является адаптация их идеологием к уровню политической культуры общества. Идеология, используя набор ярких, эмоциональных лозунгов, соединяет традиционность и современность.

Идеологическому массовому сознанию на Востоке в новейшее время свойственен утопизм. Идеология должна стать источником веры в необходимость инноваций. Поэтому, как пишет Б.С. Ерасов, «она становится подчас способом выражения всякого рода напряженных ожиданий и формулой государственных программ» (78). Особенно ярко это проявляется в крестьянском откатном сознании, в политической культуре современного восточного полиса.

Одной из отличительных особенностей социально-экономического развития восточных социумов в XX в. стала урбанизация. Специфические ценностные установки, присущие деревенскому населению до миграции в город, носили ярко выраженный характер. В мегаполисе бывший крестьянин сталкивался с мощными информационными потоками. Политическая культура полиса гетерогенна и диалогична. Социальная среда города отчуждена от природы, нарушает онтологический натурализм массового сознания. Городское производство – рукотворно, здесь нет сельскохозяйственного труда. Политическая культура урбанизированного индивида лишается натуралистической метафоричности, теряет синкретичность, трансформирует представления о власти. Патронажно-клиентельная система приобретает реальное очертание, миф уступает место реальности. Взаимодействие с городом нередко усиливает традиционные ценности (в отдельных случаях разрушает).

Основными ориентирами и установками являются коллективизм, эгалитаризм, локализм.

Коллективизм проявляется в охране жизненных интересов по месту проживания, а не по месту работы.

Эгалитаризм – в неприятии принципа социального неравенства.

Локализм – в попытке создания микрообразований, имитирующих деревенскую общину (79).

В целом эти установки свидетельствуют о неприятии массовым сознанием политической системы, предполагающей сознательное неравенство. На этом фоне происходит укрепление и актуализация ценностей локального солидаризма.

Итак, дефиниция «политическая культура» сопряжена с индивидуальными и коллективными эмоциями, морально-нравственными ценностными установками, мифами, позволяющими индивидуальному и массовому сознанию осмысливать и оценивать политическую реальность, ориентироваться в политических процессах. Политическая культура социума выступает компонентом социокультурного пространства. Основным содержанием политической культуры является отношение массового сознания к власти и способам ее легитимизации. Политическая культура носит универсальный, всеобщий характер, воздействуя на всю совокупность политических и социальных отношений. Политическая культура включает в себя два уровня: рациональный и эмоционально-волевой.

Специфику политической культуры на Востоке определяют патронажно-клиентельные отношения, сформировавшиеся на базе реципрокной реди-стрибуции.

Авторитет патрона – фундамент взаимоотношений сторон политического процесса. Основным регулятором политического процесса является установка «свой всегда прав». Идеология носит вторичный характер. Первичны межличностные отношения по линиям «лидер – массы», «коллектив – индивид», строящиеся на лояльности и личной преданности клиентов по отношению к патрону-лидеру. Компонентами политической культуры Востока является сумма стереотипных представлений о легитимности власти, об идеальном правителе, функциональности клановых связей, неприемлемость философии индивидуального достижения, трансцендентные установки. Наиболее распространенным типом политической культуры на Востоке является «подданническая», базирующаяся на устойчивости трайбалистских отношений, авторитарных политических традициях, поляризации социума, примате этатизма над личностью, синтезе колониальной политической культуры с традиционной при сохранении идентичности.

Особенно следует отметить понятие «восточного деспотизма» и его интерпретацию для понимания политической культуры Востока. Концентрация власти с древнейших времен и до наших дней носила на Востоке условный характер, несмотря на всеобъемлющую роль государства. Основой лидерства, властвования служил баланс социальных интересов, поддержание лояльности, снятие напряжения между солидаризмом и конфликтностью, эгалитаризмом и иерархичностью. При этом деспотизм не является явлением, имманентно присущим только политической культуре Востока. Прояв-

ление этого явления следует отметить на различных хронологических отрезках и на Западе.

Правовая регуляция на Востоке в доколониальный период базировалась на устойчивых политико-правовых системах. Вспышки властного деспотизма возникали лишь в кризисные моменты и являлись аномальными для политических систем Востока.

Колониальная политическая культура репродуцировала тип восточного деспотизма, характерного для периода надлома стабильности, абсолютизировав именно этот вид властвования на Востоке. В итоге анализ феномена «восточного деспотизма» в политической культуре восточных обществ приводит к видению гибкой, устойчивой, отвечающей социальным запросам масс политической системе. Анализ явления снимает европоцентристский негативизм.

Политическая культура Востока, апеллируя к легитимности власти, опирается прежде всего на социокультурные традиции социума.

Политическая стабильность гарантируется соблюдением участниками политических отношений своих обязательств: государство, лидер, патрон гарантируют справедливое распределение и протекцию, а граждане – лояльность и преданность.

Специфическая роль государства и своеобразный характер коалиционных политических объединений создает достаточно широкую колебательную амплитуду политического маятника на Востоке. Эффект постоянного брожения, конфликтности является основой нестабильности на Востоке.

Стратегической задачей политических лидеров на Востоке во второй половине XX в. и до наших дней стала задача модификации и адаптации традиционных представлений к современности, их социально-политических доктрин к уровню политической культуры общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Стрежнева М.В.* Политическая культура: абстрактное представление о неявной реальности // Политические системы и политические культуры Востока. – М., 2007. – С. 94.
- (2) *Almond L., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – N.Y., 1963. – P. 13–14; *Pye L.* Political culture. International encyclopedia of Social Sciences. – N.Y., 1961. – Vol. 12. – P. 14–15; *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М., 2002.
- (3) См. подробнее: Политические системы и политические культуры Востока. – М., 2007. – С. 95.
- (4) Там же. – С. 101–104.
- (5) *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 1996. – С. 132.
- (6) *Максименко В.И.* Востоковедная политология в поисках своего предмета // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 29.
- (7) *Стрежнева М.В.* Указ. соч. – С. 116.
- (8) *Ирхин Ю.В.* Указ. соч. – М., 1996. – С. 134.

- (9) *Almond G., Verba S.* Op. cit. – P. 14.
- (10) *Ирхин Ю.В.* Цит. соч. – С. 135.
- (11) Там же. – С. 138–139.
- (12) *Pye L.* Op. cit. – P. 14–15.
- (13) *Almond G.* Developmental Approach to Political System // World politics. – Jan. 1965. – V, XVII. – Issue 2.
- (14) *Almond G., Verba S.* Op. cit. – P. 17-21.
- (15) Ibid. – P. 25.
- (16) *Максименко В.И.* Цит. соч. – С. 29.
- (17) См. подробнее: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984.
- (18) *Алаев Л.Б.* Типы общественных отношений на Востоке (от редактора). – М., 1982. – С. 5.
- (19) См. подробнее: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984. – С. 22.
- (20) Там же. – С. 23.
- (21) Там же.
- (22) Там же. – С. 25–26.
- (23) Там же. – С. 26.
- (24) Там же. – С. 27–28.
- (25) *Поршнев Б.Ф.* Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологическое исследование). – М., 1975. – С. 38.
- (26) Там же.
- (27) *Тюльпанов С.И.* Очерки политической экономики (развивающиеся страны). – М., 1969. – С. 176.
- (28) *Левковский А.И.* «Третий мир» в современном мире. – М., 1970. – С. 9.
- (29) Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. – М., 1986. – С. 211.
- (30) *Аргентов В.А.* Страна и новь Магриба. – М., 1985. – С. 240.
- (31) *Ланда Р.Г.* Социальная структура и политическая борьба: многоукладная борьба // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 35.
- (32) См. подробнее: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984. – С. 5.
- (33) Там же. – С. 38.
- (34) Там же. – С. 549.
- (35) *Ланда Р.Г.* Цит. соч. – С. 38.
- (36) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 258.
- (37) Там же.
- (38) *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. – М., 1957. – Т. 13. – С. 7.
- (39) Там же. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 482.
- (40) Там же. – С. 215, 221. – Т. 28.
- (41) Там же. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 485.
- (42) Там же. – Т. 25 – Ч. 2. – С. 354.
- (43) *Васильев Л.С.* История Востока. – М., 1998. – Ч. 1. – С. 28–32.
- (44) *Алаев Л.Б.* История Востока. – М., 2007. – С. 208–212.

- (45) См. подробнее: *Huntington S.P.* The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. – Norman, 1991; *Алмонд Г., Пауэл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня // *Мировой обзор*. – 2002.
- (46) *Гегель Г.В.Ф.* Философия права // *Соч.* – М., 1934. – Т. 8. – С. 325–327.
- (47) *Ван Хуэй.* Рассвет над Азией // *Россия в глобальной политике*. – М., 2005. – № 5. – С. 17.
- (48) *Витгофель К.* Восточный деспотизм. – М., 1957.
- (49) *Wertneim W.* Asian society Vol 1 // *International Encyclopedia of Social Sciences*. – L, 1968. – P. 108.
- (50) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 259.
- (51) См.: *Ильин И.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – С. 285.
- (52) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 260.
- (53) *Woodruff W.* Impact of Western Man. A study of Europe's role in the world Economy 1750–1960. – N.Y., 1967. – P. 165.
- (54) *Колонтаев А.П.* Научно-техническая революция и машинная стадия производства в развивающихся странах // *НТП и развивающиеся страны*. – М., 1976.
- (55) *Гегель Г.В.Ф.* Философия права // *Соч.* – М., 1934. – Т. 8. – С. 327.
- (56) *Алаев Л.Б.* История Востока. – М., 2007. – С. 218.
- (57) *Васильев Л.С.* История Востока. – М., 1998. – С. 207–210.
- (58) Там же. – С. 259–260, 268–271.
- (59) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 266.
- (60) Там же.
- (61) Там же. – С. 267.
- (62) *Asian Survey*. – 2002. – № 6. – P. 827.
- (63) *Ильин И.В.* Цит. соч. – С. 286.
- (64) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 227.
- (65) *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 15.
- (66) <http://otvet.Mail.ru/question/5644996>
- (67) *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л, 1934; *Дягтерев А.А.* Основы политической теории // <http://society.pol.bu.ru/degyarev-polit theory/Ch12-i.html>
- (68) См.: *Куббель Л.Е.* Традиционная политическая культура в постколониальном обществе // *Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки*. – М., 1984. – С. 56.
- (69) Там же.
- (70) Там же. – С. 61.
- (71) *Левин З.И.* Восток: идентичность и глобализация. – М., 2007. – С. 29.
- (72) Там же. – С. 30–31.
- (73) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 77.
- (74) *Ланда Р.Г.* Социальная структура и политическая борьба: многоукладная борьба // *Политические отношения на Востоке: общее и особенное*. – М., 1990. – С. 39.
- (75) См.: *Максименко В.И.* Политические партии в переходном обществе. – М., 1985. – С. 42–55, 161–174.
- (76) *Кошелев В.С.* Египет: уроки истории. – Минск, 1984. – С. 101–176.

- (77) *Ланда Р.Г.* Социальная структура и политическая борьба: многоукладная борьба // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 41–42.
- (78) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 104.
- (79) *Панарин С.А.* Крестьянское наследие в политической культуре современного восточного города (социально-психологические аспекты) // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М., 1990. – С. 62.

**«INSIDER IS ALWAYS RIGHT»:
SOME ASPECTS OF PATRON-CLIENT RELATIONS
«COMBINED SOCIETY» IN THE EAST**

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author tries to find out the specifics of the political culture of the East, believing that they are radically different from the ideas and political culture in the West. To solve this problem he sees as common approaches developed in political science to the phenomenon of political culture and finds out the «Eastern» specificity of the phenomenon. The author advocates the concept of equality of civilizations, emphasizes the necessity of dialogue rather than conflict. Opposes the so-called democratic transition and globalization of the world under the auspices of the State monopoly.

Key words: socio-psychological factors, the Muslim League, the enclave of culture, oriental despotism, the social synthesis, Nasser, solidarism.